

РАД, ЧТО МНЕ ВСЕГДА НЕКОГДА

После всех репетиций и съемок, ошибок и находок большого творческого коллектива в конечном итоге перед зрителем предстает актер. Именно он прежде всего выражает те мысли и чувства, которые заложены в фильме или спектакле.

Об ответственности актера перед зрителем и искусством, о специфике работы на сцене и в кино, о проблемах творчества сегодня размышляет заслуженный артист РСФСР

Юрий БОГАТЫРЕВ.

МОЖНО ли научиться актерскому делу? Разумеется, легко перенять или найти два-три приема, но достичь предела в нашей профессии, как, впрочем, и в других, невозможно. Она бесконечна, в ней всегда будет впереди нечто неосвоенное. Можно, конечно, прочитать Станиславского и кое-что извлечь из книг, взять у учителей. Но одно дело — прочитать или услышать, другое — дойти самому, открыть самому, осуществить в собственной практике. Так рождается опыт.

Когда-то я работал в театре «Современник». И вот заметил, что Олег Табаков — очень талантливый, гибкий, интересный актер — приходит в театр буквально за пять минут до начала спектакля. Быстро переодевается, гримируется и выходит на сцену. Другие артисты являлись за час-полтора до третьего звонка, входили в роль... Помню, я внутренне осуждал Табакова: как это так, прямо «с корабля на бал»!.. Но позже понял, что дело не в том — с утра ты настраиваешься на роль или за пять минут. Все зависит от внутреннего актерского аппарата, от личного метода работы. Оказалось, что и мне нельзя настраиваться на роль заранее. Иначе к спектаклю «завяну». Мне хватает десяти минут, чтобы обжить перед спектаклем декорации, костюм, грим. Как спортсмен перед стартом, расслабляюсь перед игрой. И только непосредственно во время спектакля или съемки выкладываюсь полностью. Когда уже играешь роль, невозможно думать о чем-то постороннем. Зритель сразу почувствует, что ты внутренне отсутствуешь, что твои мысли и сердце где-то далеко.

Все разное в этих видах искусства — театре и кино: и разбор роли, и процесс репетиций, и реакция окружающих, сами окружающие. Спросите у любого театрального актера, и он вам скажет, насколько его игра в спектакле зависит от таланта и добросовестности партнера. А когда делается фильм, случается, что партнера даже не видишь на съемке, вместо него общаешься с кинокамерой.

Создание образа в спектакле — длительный творческий процесс. Профессиональный киноактер, попав на сцену, порой может оказаться беспомощным. Кроме того, режиссеры кино в отличие от театральных не всегда умеют точно разбираться в психологии персонажей, не очень любят процесс работы с актером. Редко кто, как Никита Михалков (может, потому, что он и сам отличный артист), понимает, в чем заключаются чисто актерские средства создания образа.

В театре, как правило, возникает некое биополе между сценой и зрительным залом. Многие театральные актеры настороженно относятся к кино. Ты вкладываешь на съемочной площадке в эпизод свою актерскую фантазию, свои представления о герое, а при окончательном монтаже фильма именно этот кусок может в картину и не войти. Судьба роли в кино не всегда зависит от исполнителя. Бывает, снимут два-три дубля, но дальше роль полностью в руках режиссера. Он выбирает один из дублей, и, случается, не самый лучший. Скажем, снимался я в приключенческой ленте «Последняя охота». Действие разворачивалось в двадцатые годы на Камчатке, в пушной фактории. Я — играл бывшего политического ссыльного, роль капитана иностранной шхуны исполнял замечательный актер Олег Борисов. Работали мы дружно, увлеченно. И вдруг из готовой картины был выброшен целый ряд удачных, на мой взгляд, сцен. От этого образы наших героев стали беднее.

Другой случай. Я, например, всегда нишу в

киносценариях высокие художественные достоинства. Но и от драматургии в кино не все зависит. Снимался я в картине «Мой папа — идеалист» по прекрасному сценарию Аллы Соколовой (в МХАТе играю в ее пьесе «Эльдорадо»). В этом сценарии был отличный диалог, что ныне редко встречается в кинодраматургии. Был юмор, своеобразные характеры персонажей. Но режиссер фильма во время съемок перекраивал сценарий, упрощал его. В результате картина получилась менее интересной, чем могла бы быть.

Однако в театре есть своя беда: сложился постоянный коллектив, всем в нем уютно, всем хорошо — потихоньку «варятся в собственном соку». Спросишь: «Как жизнь?», отвечают: «Нормально!». Кино же выбивает актера из состояния обыденности. На съемочной площадке артист все время находится в ожидании не привычного.

Театр — это школа, но и кино — хорошая учеба для актера. Встречаешься на съемках с разными режиссерами — это дает пищу для размышлений. Встречаешься на съемочной площадке с актерами из других театров, с киноартистами — у всех свои методы работы, учишься, берешь интересное для себя. Игра актера на съемке спонтанна, почти экспромт. Поэтому надо играть точно, наверняка. Ведь пройдет время, заметишь потом недостатки, но... увы! Когда фильм вышел на экран, уже ничего изменить нельзя. Актер всегда должен выходить на съемку, на сцену «сегодня, сейчас» со своими сиюминутными чувствами, нервами, переживаниями. Только так появится отклик в зрительном зале, эмоциональный контакт между актером и зрителем. Бессмысленное воспроизведение роли превращает артиста в робота, а роль — в зазубренный урок. И актер не растет, не накапливает, а только тратит и тратит свое умение.

Я СЧИТАЮ себя острохарактерным актером. Имею в виду не внешние атрибуты, а внутреннее перевоплощение. Такое, чтобы эта внутренняя характеристика переросла на сцене или на экране в многогранный и своеобразный человеческий характер. Актер не имеет права в каждой роли являть только свою личность, какая бы она ни была глубокая и неповторимая. Нельзя все время играть «самого себя в предлагаемых обстоятельствах». Актер должен создавать образ. И не один и тот же из спектакля в спектакль или из фильма в фильм. Что греха таить, ведь знаем же мы немало артистов, которые используют несколько своих актерских штампов во всех ролях. Мне хочется играть сегодня так, а завтра — совсем по-иному. Хочется через характеры своих героев разбираться в уме, глупости, таланте, героизме... К счастью, мое стремление к разнообразию поддерживают режиссеры.

На сцене МХАТа, где я постоянно работаю, сыграны самые различные роли в спектаклях «Тартюф», «Чайка», «Живой труп»... На киноэкране в последнее время появился в приключенческих картинах, исторических лентах, современных драмах и комедиях... В фильме «Карантин» сыграл роль... дедушки: никто меня не может узнать в роли, и мне это нравится. Недавно снялся в ряде телевизионных экранизаций по рассказам Чехова, в «Мертвых душах» по Гоголю... Несколько раз довелось быть на телеэкране — это для меня внове.

Спектакль или фильм — результат труда большого коллектива. И главная беда, которая может приключиться в работе, — взаимное непонимание. В совместном труде обязательно

должен быть момент обоюдного уважения. Должны существовать актерская этика, такт, чтобы партнер не мешал тебе, когда ты работаешь, а помогал. Чтобы высекалась искра подлинного искусства из художественного контакта. Чтобы актер с режиссером понимали друг друга, верили друг другу. Если всего этого нет, то ничего путного из нашей работы, как правило, не получается. Правда, бывают редкие исключения. Снимался я в картине «Нежданно-негаданно», играть в ней соглашались только потому, что очень люблю жанр комедии. И вот по ходу съемок у меня начались конфликты с режиссером. Спорил с ним и мой партнер по фильму — актриса Татьяна Догилева. Думали мы с ней, что фильм провалится. Однако картина получилась неплохая: есть в ней вкус, нужный темп, трагикомическая интонация... Так что, актер в кино, его роль — только одно из выразительных средств кинорежиссуры, и не обязательно самое главное. И все же трудно работать без творческого контакта. Артист должен верить режиссеру, верить в истинность того, что режиссер ему предлагает. К сожалению, не всегда этой веры бывает столько, сколько необходимо.

Причем не обязательно дружить в жизни: например, мы с Никитой Михалковым не ходим друг к другу в гости, зато на съемочной площадке у нас с ним полное единомыслие. То же самое — полное взаимопонимание — было у меня и с Ильей Авербахом, у которого я снимался в картине «Объяснение в любви». Жаль, что он не любит дважды снимать одних и тех же артистов. А вот Виталий Мельников не сомневался, приглашая меня после своего фильма «Две строчки мелким шрифтом», где я играл революционера-подпольщика, на комедийную роль в свою новую картину «Уникум».

ХОЧЕТСЯ сказать и о наших отношениях с критикой. Конечно, похвала — особенно заслуженная — стимулирует актера больше, чем брань, пусть и справедливая. Знаю это по себе: если ругают — не зажигаюсь, гасну. Искусство — вещь хрупкая, художники — люди ранимые, часто не очень в себе уверенные. Надо доброжелательнее относиться к их попыткам, пусть даже не всегда удачным, но сделать что-то свое, оригинальное, неповторимое. Режиссер видит пьесу или сценарий по-своему, актер — как-то еще, критики — совсем по-другому. Но уверен, что, как правило, и режиссер, и актеры готовились к своей работе дольше и глубже, чем критик к своей рецензии. Во всяком случае предпочитают верить больше всего самому себе. Делаю сам выводы из своих удач и неудач. Выслушиваю все мнения, но иду своим путем.

Иной раз на актера начинает влиять публика. Зритель, полюбив артиста за какую-то удачно сыгранную роль, хочет вновь и вновь видеть своего любимца все в том же амплуа и характере. Конечно же, приятно, когда от тебя чего-то ждут конкретного. И все же нельзя идти на поводу у публики. Артист, художник не должен опускаться до уровня массового спроса. Наоборот — он обязан поднимать зрителя до подлинного искусства (если, конечно, на это способен и имеет право).

Так называемый «просто зритель»... Я его понимаю. Бывает, после трудного рабочего дня человек идет в кино или театр, он хочет отдохнуть, развлечься. Он хочет милых сказок, в которых были бы и любовь, и юмор, и слезы... Чтоб было «приятно». Как говорил один персонаж Маяковского: «Сделайте мне красиво!». Жаль только, что из такого времяпрепровождения человек ничего не извлекает — ни ума, ни сердца. Полтора-два часа провел в темном зале и пошел домой к своим заботам. Кому-то просто очень скучно живется, вот и пытается заполнить душевную пустоту развлечением.

У меня много «домашней работы»: обдумываю роли не только на сценической или съемочной площадке, но и дома, на улице, везде. Если человек относится к своему труду серьезно, то он живет этим постоянно. Думает о работе все время. Я даже ночью, когда не сплю, повторяю фразы, монологи из спектаклей или фильмов. Уж сколько лет прошло со времени съемок картины «Свой среди чужих, чужой среди своих», а вдруг начинаю думать о роли, вспоминаю целые сцены — как их надо было бы сыграть...

Рад, что мне всегда некогда. Если артист постоянно занят, значит, он нужен. Только иногда меня беспокоит: как бы при своей занятости не пропустил что-то важное, не стал работать формально, механически. Я далек от быта, бытовых проблем. Домашняя неустраивенность меня не очень раздражает. Люблю телевизор, особенно документальные передачи и учебные программы. Люблю собираться с друзьями, хотя по натуре я скорее замкнутый человек. Правда, с возрастом стал легче сходиться с людьми. И все равно, оставшись наедине с собой или в компании с друзьями, размышляю об искусстве — о кино, театре, живописи. О своей профессии.

Актер должен все время думать: «Зачем я играю эту роль? Для чего?». Художник обязан работать целенаправленно и никак не иначе.

● Заслуженный артист РСФСР Юрий Богатырев.

Фото В. Плотнокова.